



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2

Дата поступления: 12.12.2019
рецензирования: 25.01.2021
принятия: 26.02.2021

**Локальные трансформации музейных «мест памяти»
в постсоветских условиях: историографические заметки
и непосредственные наблюдения**

В.Г. Рыженко

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: valentina948@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-2468>

Аннотация: Проблема перехода от советской эпохи к новому этапу истории России и происходящих в этих условиях трансформаций всех сторон жизни российского общества уже привлекла внимание ученых, в первую очередь социологов. В рамках недавних социологических исследований (проект «Россия реформирующаяся») было отмечено, что в исторической памяти населения распад СССР и реалии новой России имеют неоднозначные проявления, а коллективная память снижается. Следует обратиться к характеристике ситуации с оценками происходящих трансформаций представителями других научных направлений в контексте парадигмы памяти. В данной статье остановимся на интерпретациях современными исследователями локальных музейных трансформаций как мест памяти о прошлом. Необходимо сравнить подходы к проблеме музеологов, культурологов и историков. Основой для историографических заметок и наблюдений служит интеллектуальная история как междисциплинарное предметное поле актуального исторического знания о всевозможных видах творческой деятельности, процессах творчества и его результатах. Новизна нашего исследования состоит в том, что в рамках *memory studies* используется историко-культурологическая модель для анализа музейных «мест памяти» с отдельным акцентом на оценку современной специфики репрезентации образов советского прошлого. В качестве полученных историографических результатов фиксируем наибольшую активность рассмотрения проблемы трансформаций в музейведческих публикациях. Однако их авторы сводят сущность проблемы к внутреннему миру музеев (появлению дополнительных функций и форм деятельности). В то же время с середины 2000-х гг. наблюдается сближение музейведения с исторической наукой (проект «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки»). Совместно с историками поставлена проблема возможного создания музея локальной истории нового типа. Важным дополнением к формирующейся «историографии памяти» следует считать появление первых публикаций, соединяющих музеи и историческую память в современной России, а также предлагающих типологизацию музеев с точки зрения форм памяти. В связи с вопросом о специфике источниковой базы для изучения локальных трансформаций музейных «мест памяти» рассматривается информация, извлекаемая из непосредственных наблюдений. В качестве примеров используются трансформации музеев в культурном пространстве отдельных городов Западной Сибири.

Ключевые слова: интеллектуальная история; современные интерпретации локальных трансформаций; музей; места памяти; советская эпоха.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329.

Цитирование. Рыженко В.Г. Локальные трансформации музейных «мест памяти» в постсоветских условиях: историографические заметки и непосредственные наблюдения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 23–31. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-1-23-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Рыженко В.Г., 2021

Валентина Георгиевна Рыженко – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 644077, Российская Федерация, г. Омск, пр. Мира, 55 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.12.2021
Revised: 25.01.2021
Accepted: 26.02.2021

**Local transformations of museum «places of memory» in post-Soviet era:
historiographical notes and direct observations**

V.G. Ryzhenko

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation
E-mail: valentina948@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9631-2468>

Abstract: The problem of transition from soviet era to modern Russia and associated transformations attracted the attention of scientists (sociologists specially). Within the framework of recent sociological research (the project «Russia reforming»), it was noted that in the historical memory of the population, the collapse of the USSR and the realities of the new Russia have ambiguous manifestations, and the collective memory is declining. It is necessary to refer to the characterization of the situation with assessments of ongoing transformations by representatives of other scientific fields in the context of the memory paradigm. The article is devoted to modern interpretations of local museum transformations like places of memory. It is necessary to compare approaches to the problem of museologists, cultural scientists and historians. The basis for historiographical notes and observations is intellectual history as an interdisciplinary subject field of actual historical knowledge about various types of creative activity, creative processes and its results. The novelty of our research is that the «memory studies» uses a historical and cultural model for the analysis of Museum «places of memory» with a separate emphasis on the assessment of the modern specifics of the representation of images of the Soviet past. As the obtained historiographical results, we record the greatest activity in considering the problem of transformations in Museum publications. However, their authors reduce the essence of the problem to the inner world of museums (the appearance of additional functions and forms of activity). At the same time, since the mid-2000s, there has been a convergence of museology with historical science (the project «Role of museums – libraries – archives in the information support of historical science»). The problem of possible creation of a Museum of local history of a new type has been raised. The first publications which connecting museum and historical memory in modern Russia are most important to «memories historiography». Specifics of source base for research of local transformations museum «places of memory» are considered information from direct observations. Transformations of museums in culture space of some Siberian cities are used for example.

Key words: intellectual history; modern interpretations of local transformations; museum; places of memory; Soviet era.
Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project № 18-09-00329.

Citation. Ryzhenko V.G. Local transformations of museum «places of memory» in post-Soviet era: historiographical notes and direct observations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 23–31. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-23-31>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Ryzhenko V.G., 2021

Valentina G. Ryzhenko – Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Department of Modern Russian History and Historiography, Dostoevsky Omsk State University, 55, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation.

Введение

Проблема перехода от советской эпохи к новому этапу истории России и происходящих в этих условиях трансформаций всех сторон жизни российского общества уже привлекла внимание ученых, в первую очередь социологов. Достаточно сослаться на проект Института социологии РАН «Россия реформирующаяся» [Россия реформирующаяся 2018]. Одна из статей по итогам социологического исследования, проведенного в октябре 2017 г., напрямую выходит на интересующую нас проблему трансформаций социальной и исторической памяти [Андреев 2018, с. 319–347] и актуализирует ее для историографического осмысления.

В то же время резко возрос на рубеже XX–XXI вв. общественный интерес к музейным формам показа отечественной истории. Уже в первое десятилетие XXI века усилилась рефлексия гуманитариев относительно роли (миссии) музеев в контексте парадигмы памяти. В этих процессах отчетливо проявилось внимание к концептуальным проблемам изменений музейных экспозиций как к предмету обсуждения не только в кругу музейных работников. Добавилось обращение к проблеме постсоветских социокультурных трансформаций в самом широком их истолковании в теоретико-методологическом, эмпирическом и историко-научном плане.

Назрела необходимость обратиться к характеристике ситуации с оценками происходящих трансформаций представителями разных научных

направлений в контексте парадигмы памяти. Тем более что за последние более 15 лет появилось достаточное количество публикаций, в том числе начала формироваться «историография памяти» [Лентьева 2015, с. 59–96]. Возникают новые элементы трансляции образов прошлого в культурном пространстве крупных городов, которые вызывают дискуссии. В частности, речь идет о мультимедийных парках «Россия – моя история». По мнению некоторых историков, их можно отнести к музеям [Мазур 2019, с. 116]. В данной статье остановимся на интерпретациях современными исследователями локальных музейных трансформаций как мест памяти о прошлом. Необходимо сравнить подходы к проблеме музеологов, культурологов и историков. Основой для историографических заметок и наблюдений служит интеллектуальная история как междисциплинарное предметное поле актуального исторического знания о всевозможных видах творческой деятельности, процессах творчества и его результатах.

Основная часть

С 90-х гг. XX в. после длительного преобладания «отраслевых» описаний истории деятельности музеев усиливается тенденция к видению проблемы внутри междисциплинарного сегмента современного гуманитарного знания. Востребование идей и исследовательских практик по изучению «областных культурных гнезд» из забытого наследия отечественного культурно-исторического ро-

диноведения способствует выходу на новый уровень осмысления проблемы. Еще М.С. Каган обратил особое внимание на такой аспект проблемы, как роль музеев в качестве важного фактора, определяющего уникальность культуры каждого города (независимо от профиля музея) и одновременно влияющего на потребности, вкусы, критерии поведения горожан [Каган 1993]. Э.А. Шулёпова в рамках предложенного ею «областного культуроведения» посчитала необходимым соединить музееведческую проблематику с контекстом культурного наследия и исторической памяти [Шулёпова 2003, с. 11–25]. Следует подчеркнуть один из принципиальных моментов в такой постановке вопроса: музей предстает в качестве важного звена в процессе интерпретации культурного наследия и задает ритм исторического времени.

Кроме того, музей, являясь хранителем и транслятором культурного наследия, отражает официальный срез исторической памяти в совокупности общероссийской, региональной и локальной трактовок. Он также выступает в роли фиксатора исторических наслоений в образах городов каждого конкретного региона. Его экспозиции участвуют в расстановке ключевых символов, с которыми ассоциировались и/или которыми закреплялись на разных исторических этапах образ и потенциал города – регионального центра или его отдельных «примечательных мест» – «визитных карточек» города. Следовательно, расширяется и содержание культурного наследия, хранимого музеями и желательного для востребования и трансляции.

На важность востребования музейных ценностей в связи с вопросом об инструментах формирования региональной идентичности обратила внимание И.Я. Мурзина в своей монографии, посвященной раскрытию феномена региональной культуры на материалах Урала [Мурзина 2003, с. 178]. По ее мнению, новый культурологический подход имеет целью обретение способа видения действительности на основе ценностей родной культуры и признания множественности картины мира. Отсюда музей становится хранилищем не только культурного наследия в виде материальных ценностей, но и образов своего региона и своего «Места». Тем самым проблема востребованности культурного наследия, хранящегося в музеях различных типов, получает дополнительный импульс для новой теоретико-методологической постановки и поиска научно-практических путей ее решения.

Первоначально следует остановиться на широко обсуждаемых в настоящее время вопросах о предназначении музея как социального института в современных реалиях постсоветской России и ее регионов или, как часто подчеркивают особенности нового состояния нашего Отечества после распада СССР, «России регионов». Наибольшую активность рассмотрения проблемы трансформаций находим в музееведческих публикациях. Однако их авторы в большинстве случаев сводят сущность проблемы к внутреннему миру музеев (появлению

дополнительных функций и форм деятельности). В то же время с середины 2000-х гг. наблюдается сближение музееведения с исторической наукой.

Самым ярким показателем особой актуальности создания новых экспозиций историко-краеведческих музеев и одновременно началом нового историографического этапа можно считать первое заседание 12 февраля 2007 г. годового научного семинара «Образы времени», организованного по инициативе заместителя директора Института всеобщей истории РАН доктора исторических наук Л.П. Репиной совместно с Государственным историческим музеем (Л.И. Скрипкина). Доклад на тему «Формирование исторического музея нового типа и его новая роль в современном познании» на основе анализа деятельности ГИМа и новейших тенденций в современном музейно-выставочном проектировании был сделан известным специалистом по актуальным проблемам музееведения и музейного дела Л.И. Скрипкиной. После обсуждения вывод о возможных перспективах сотрудничества ГИМа и ИВИ РАН для воплощения новейшего видения реальной истории в музейных проектных формах свидетельствовал о серьезности восприятия учеными-историками роли историко-краеведческих музеев как центров, показывающих историю в едином информационном и интеллектуальном пространстве.

Следует выделить актуальную сквозную проблему исторической памяти, для разработки которой необходимо объединение усилий историков, музейных специалистов, культурологов, менеджеров социально-культурной деятельности. Не случайно утверждается мнение об ориентации на музеи «Места», на изучение и развитие традиций трансляции культурной памяти, сложившихся в конкретном регионе. В этой связи снова сошлемся на участие представителей ГИМа (Л.И. Скрипкина) в работе Международной научной конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век» (Москва, ноябрь 2008 г.). Выступая на завершающей дискуссии секции 3 «Парадигмы изучения прошлого и их актуализация», Л.И. Скрипкина обратила внимание на изменения в современной музейной сфере и на проблемы поиска стратегии отражения исторических процессов в музейных экспозициях. Она подчеркнула принципиальную новизну ситуации. По ее убеждению, историкам необходимо осознать: в музейном сообществе на первый план вышли принцип адекватности подхода к показу прошлого и пониманию значимости визуальных представлений о нем [Вместо предисловия 2009, с. 5–15]. Кроме того, в условиях административного реформирования начиная с 2009 г. проблемы музеефикации исторических процессов сместились на региональный уровень. В то же время Л.И. Скрипкина сочла необходимым преодолеть существующую тенденцию к показу прошлого в региональных музеях без общероссийского контекста.

Актуальность проблемы места и роли музеев как компонентов определенного социокультурного пространства («городская цивилизация») за последнее десятилетие значительно возросла. Это подтверждается существенными трансформациями прежних форм музейной деятельности и расширением «рынка услуг», предлагаемых посетителям, а также усилением процесса возникновения в границах конкретного Места новых институций музейного типа. Так в условиях постсоветской России соединяются две неистребимые потребности культурно-созидательной деятельности человека. Музейные работники стремятся укрепить свой статус и доказать пользу своего «учреждения культуры». Представители различных социальных групп и корпораций, энтузиасты-одиночки предпринимают шаги по музеефикации памяти о традициях и ценностях, которые следует передать молодым поколениям. В начале XXI века вновь стоит прислушаться к мыслям Н. Федорова, высказанным в 1903 г., о том, что «каждый человек носит в себе музей» и что «музей – это собор лиц». Современные процессы регионализации в России, активные поиски способов коллективной и личной самоидентификации, идущие повсеместно, еще более актуализируют проблемы, связанные с положением музеев в пространстве определенной территории.

Существенные перемены произошли и продолжают в современной историографии и в сопредельных гуманитарных науках. Свойство современных интеллектуальных штудий – устойчивое стремление к выходу за рамки устоявшихся канонов «отраслевого» знания. Отсюда с конца XX века нарастает число дисциплин, возникающих «на стыке» и «на пересечении» нескольких областей научного знания. С помощью складывающихся междисциплинарных практик можно существенно изменить представления об окружающем пространстве, его физико-географическом, историческом и символическом измерениях, тем более выделить и рассмотреть особые элементы культурного пространства определенной территории.

Исследовательская ситуация непосредственно в исторической науке последних 10–15 лет XX в. и в первые годы XXI века характеризуется влиянием чередующихся познавательных «поворотов», укреплением линии на сближение исторической науки с другими науками, становлением новых научных направлений. Эта новизна уже неоднократно отмечалась на различных научных конференциях, в научных статьях, в том числе в наших работах. В настоящее время в отечественной (русской) историографии не вызывает сомнений оценка междисциплинарности в качестве неотъемлемой характеристики нового состояния исторической науки. Второй ипостасью отмеченной новизны стало право исследователя на выбор собственного инструментария, на создание экспериментальной исследовательской модели. Наши действия в этом направлении также привели к опре-

деленным результатам по созданию междисциплинарных моделей изучения интеллигенции и культурно-цивилизационного ландшафта города.

Напомню, что в своей статье, опубликованной в 1999 г., я отмечала недостаточную изученность истории музеев в России и в Сибири, отсутствие внимания историков культуры к взаимосвязям внутренней жизни музеев и динамики социокультурных потребностей горожан, а также подчеркивала назревшую необходимость перехода к междисциплинарному уровню осмысления музееведческих сюжетов. В настоящее время имеются явные признаки продвижения специалистов, изучающих музеи каждый под своим углом зрения (историков, этнографов, искусствоведов, музееведов, архитекторов, культурологов), навстречу друг другу по пути к своего рода «голографическому» представлению об общем исследовательском объекте. В этом отношении знаменателен факт издания Российской музейной энциклопедии (РМЭ 2001), содержание которой можно считать «скелетом» для конструирования такого объемного видения музеев разных типов, находящихся в координатах пространства двух уровней (в пространстве отечественной культуры и в пространстве определенной территории/Места). Прошедшие несколько лет подтверждают мою мысль, что соединение институционального и музееведческих подходов к анализу региональных аспектов истории музеев и музейного дела с историко-культурологической моделью изучения городской среды (в омской версии – городского культурно-цивилизационного ландшафта) весьма перспективно. В этом случае интересующий нас объект оказывается в междисциплинарном сегменте, образованном пересечением проблемных полей исторической науки, регионоведения, культурологии, семиотики городского пространства, музееведения. В этом направлении осуществили диссертационные исследования под моим руководством Е.Г. Морозова (2003 г.) и А.А. Урванцева (2008 г.) и успешно защитили полученные результаты. При этом учитывается предложение Э.А. Шулеповой отождествлять историко-культурную среду со средой памяти, которая воссоздает локальный мир человека не «плоскостной», а «стереоскопический» (музей, являясь хранителем и транслятором культурного наследия, отражает официальный срез исторической памяти в совокупности общероссийской, региональной и локальной трактовки). Он также выступает в роли фиксатора исторических наслоений в образах городов каждого конкретного региона. Его экспозиции участвуют в расстановке ключевых символов, с которыми ассоциировались и/или которыми закреплялись на разных исторических этапах образ и потенциал города – регионального центра или его отдельных «примечательных мест» – «визитных карточек» города.

В такой ситуации становится возможным выделить другой аспект проблемы: насколько сам музей в качестве сложносоставного материально-

духовного элемента городской среды может выступать в роли особого маркера культурного пространства города, знака и/или символа специфики того или иного Места и его истории. При этом важно учитывать расположение музея (в историческом центре, в «спальных» районах города и т. д.). Помимо юридического статуса музея (областной, городской, ведомственный и т. д.), важное значение имеют дополнительные сведения о музейном здании: старинное, находящееся в категории памятника архитектуры; новое, специально построенное для музея; бывший объект «соцкультбыта», переданный музеем целиком, либо частично. Отмечу, что в статьях РМЭ внимание к подобным деталям прослеживается слабо. Мне представляется, что рассмотрение данного вопроса придаст новизну традиционной модели описания истории отечественного музейного дела. На региональном (западносибирском) и локальном (отдельные города региона) материале такой замысел был уже обозначен мною в ряде публикаций.

Важнейшим источником информации для его воплощения и в целом для междисциплинарного «голографического» изучения музея становятся визуальные (изобразительные) источники. В классификационных схемах они включаются в группу кинофотофонодокументов или «аудиовизуальных документов». Последний термин широко использует известный российский источниковед В.М. Магидов [Магидов 2005, с. 10]. При историко-культурологическом подходе используется выражение «визуальные тексты». Это подчеркивает необходимость определенной последовательности процедур расшифровки прямой и скрытой информации в привлекаемых изображениях.

Специфика российского интеллектуального «фона», в котором с 90-х гг. XX в. наблюдается всплеск поисков междисциплинарных вариантов «делания» истории и собирательного образа города, инициирует оформление различных исследовательских практик. Их исходные и опорные основания зависят от «материнской платы», выбираемой разработчиками. Выделим основные линии движения исследовательской мысли, уже приведшие к созданию экспериментальных моделей. При этом важен тот факт, что восприятие города как «очеловеченной природы» (Д.А. Алисов) отражает одновременно его собирательный образ, от которого отталкиваются исследователи в своих теоретико-методологических построениях, и первостепенную сущностную характеристику одного из сложнейших объектов изучения, имеющего многоуровневую структуру.

Первая линия может быть обозначена как «метафизическая». В составе исследователей, проявивших повышенный интерес к метафизике места, изначально преобладали философы. Однако вскоре среди них появляются историки. Точка отсчета оформления этой линии – от начала до середины 90-х гг. XX в. Характерной особенностью, определившей масштабы ее распространения, увлечен-

ность конструированием «Духа Места», а также переход к накоплению конкретно-исторической информации для описания «лица не общего выражения» применительно к российским городам, на мой взгляд, можно считать право исследователя на создание «своей территории» и соответствующего инструментария для изучения сложных объектов. Отмечу концептуальные построения В.М. Немчинова, соотнесенные им с методиками зарубежных исследований (area studies), что не имеет, по его мнению, в отечественной практике устоявшегося адекватного аналога. Автор увязал проблематику метафизики исторического объекта, в данном случае города как фактора развития социума, с вопросом о том, как переживается пространство, структуры, институты и духовная среда города данным обществом в данное историческое время. Приведу одно из его утверждений: «Город познаваем лишь в отражении и в не всегда прямом зеркале фактов. В этом специфика объекта, имеющего метафизическую, духовную проекцию. Пребывая в исторически заданном времени, мы все равно привносим самонаблюдение в исследование генезиса городской среды, даже если академически рационально суживаем зеркало наблюдаемых и оцениваемых исторических явлений» [Немчинов 1995, с. 238]. И далее он уточнил содержание топографического привязки с точки зрения метафизического подхода: «Город, собственно говоря, не есть кружок на карте. Это точка роста кристалла цивилизации».

К концу XX – началу XXI в. в российском интеллектуальном пространстве достаточно явно обозначилось несколько центров, где внедрялись, опираясь на локальный материал, разные варианты модели этой линии (среди них Саратов, Пермь, Омск). Символическое пространство отдельных городов выступало при этом в виде своего рода копилки их культурно-символической идентичности. Метафизика города трактовалась как «зримое незримого», а различия городов выделялись в осознанности метафизики места. Метафизическая линия тесно связана с семиотическими исследованиями. Отсюда сам город определяется как сложный семиотический механизм, создатель, получатель и хранитель информации, мощный генератор культуры, а его пространство представляется хранилищем различных кодов, знаков, возможностей реализованных и нереализованных, иллюзий, мифов и т. д. Метафизический поворот в философско-культурологическом изучении отдельных городов/Мест для выяснения конкретной архитектоники места как интегрального понятия, объединяющего природную, предметно-созидательную, социальную и культурную среды, стал методологической основой в построениях омского искусствоведа и философа В.Ф. Чиркова [Чирков 2006].

Среди анализируемого им своеобразия архитектоники различных городских пространств выделим характеристику Омска. Ее природный признак в оценке В.Ф. Чиркова [Чирков 2006, с. 126–131] «носит тотально горизонтальный ха-

рактор», поскольку задан «степным ландшафтом, который вбирает в себя пластически выразительные лесные участки локального характера в виде березовых колков». Этот признак существенно усилен водными плоскостями рек Иртыш и Омь, закреплен в своей цельности красивой полусферой небесного свода, имеющей в месте «касания» с землей ровную, почти не нарушаемую рельефом прямую. В то же время реальная градостроительно-планировочная структура города не осмысливает степного пространства и всей его природной архитектоники, за исключением набережной и мостов. Интересна мысль автора, что природные, ландшафтные особенности места Омска («не любит определенности в границах») влекут за собой отсутствие устойчивого пластического символа/знака города. Однако они же способствовали рождению поэтических и художественных образов города, серебристо-серо-голубого колорита их цветовой и «звуковой» (музыка стихов известного поэта, уроженца Омска Л. Мартынова) гаммы. Подчеркну, что появление искусствоведения в моделях этой линии привело к разработке методик специального музейного конструирования и репрезентации образов города и его «культурных слоев». Для региональных (сибирских) городов, относящихся к категории средних (Г.Г. Лаппо), метафизическая линия развивается в исследованиях И.П. Решиковой, которая обращается к образам Новокузнецка (бывшего Сталинска). В то же время для ее подходов характерно соединение двух уровней: накопления эмпирического материала с помощью союза с краеведами и совместного же философско-культурологического обсуждения темы «Мистические корни Новокузнецка». Сразу же следует оговорить, что Ирина Петровна Решикова – активный участник городского краеведческого объединения «Серебряный ключ» при центральной библиотеке им. Гоголя г. Новокузнецка, образованного в феврале 2007 г. В него входят историки, географы, архитекторы, философы, работники музеев, библиотек, вузов, имеющие профессиональный или любительский интерес к истории и развитию города.

Есть пример и более тесной связи с музеем Т.П. Фокиной – теоретика и пропагандиста метафизической линии в изучении пространства города Саратова. Философское метафизическое осмысление феномена Места применительно к отдельным городам распространилось достаточно широко и не может не учитываться при разработке междисциплинарной модели интересующего нас сложного объекта. Так, саратовские исследователи считают метафизику места и метафизику города самыми важными и интереснейшими для изучения феноменами [Пространственность развития и метафизика Саратова 2001]. Ученые предлагают рассматривать специфику Саратова в качестве ресурса развития и перейти к разработке технологии использования культурно-символических ресурсов губернского центра и губернии как целого.

При этом символическое пространство города выступает в виде своего рода копилки его культурно-символической идентичности. Метафизика города трактуется как «зримое незримого», а различия города следует видеть, по мнению Т.П. Фокиной, в осознанности метафизики места.

Эта метафизическая линия тесно связана с семиотическими исследованиями, поскольку инициирована в значительной степени ими. Отсюда сам город определяется как сложный семиотический механизм, создатель, получатель и хранитель информации, мощный генератор культуры, а его пространство представляется хранилищем различных кодов, знаков, возможностей реализованных и нереализованных, иллюзий, мифов и т. д. Т.П. Фокина не только сотрудничает с Саратовским государственным художественным музеем им. А.Н. Радищева и его филиалом – музеем-усадьбой Виктора Борисова-Мусатова. Она создает свои экспозиционно-выставочные варианты музейных встреч, утверждающих идеи новой миссии музея, выходящей за рамки собственно музейного пространства и ставящей проблему роли художников (добавлю – равно и художественных музеев – В. Р.) в формировании семейных традиций и ценностей. Свои представления о Саратове профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжской академии госслужбы Т.П. Фокина, известная исследовательница души города, его метафизики, впервые озвучила в докладе, состоявшемся в 90-е гг. в государственном музее К.А. Федина. Таким образом, можно сделать вывод, что в отмеченных случаях выполнялась (и продолжает выполняться, судя по информации соответствующих интернет-ресурсов) посредническая миссия музея между горожанами, активом городского сообщества и учеными – разработчиками оригинальных концепций изучения городского пространства.

Любопытны интерпретации миссии музея современного искусства, предлагающиеся разработчиками концепции подобных музеев. Остановимся на одной из самых недавних, связанных с Пермским музеем современного искусства, расположенным в здании Речного вокзала. В содержащейся на сайте информации подчеркивается, что кроме собственно художественных задач музей выполняет особую миссию для города, всего Пермского края. В первую очередь это создание нового культурного наследия, способного стать мировым достоянием; а также развитие того наследия, которое нынешние пермяки получили от предшественников. Точно так же, как деревянные боги, собранные Серебрянниковым в начале XX века, коллекция Пермского музея современного искусства должна стать бесценным символическим капиталом Перми.

Обратим внимание на развитие представлений о миссии этого музея. По мнению создателей концепции, прежде всего известного искусствоведа и галериста Марата Гельмана, Музей современного искусства должен стать культурной ин-

ституцией новой формации, решающей вопросы социально-экономического развития Пермского края, а именно: повышения качества жизни горожан, формирования творческой среды, развития городской среды, формирования имиджа города, международной культурной интеграции, развития туризма, экономического развития и новых инициатив. Остановлюсь на более развернутом комментарии к миссии музея по отношению к городской среде. Здесь примечателен такой акцент: музей будет играть роль продюсера, отвечающего на запрос на самом высоком художественном уровне. Музей как культурный оператор средствами современного искусства предполагает привнести в градостроительную систему Перми художественную эстетику, насытить ее городское пространство новыми достопримечательностями. Касается это публичного искусства или мемориалов памяти. Особое влияние музей окажет на территорию, прилегающую к Речному вокзалу. Эта территория станет привлекательной для инвесторов, набережная превратится в место отдыха, Пермь приобретет еще один центр. Последний штрих из этой намечаемой миссии нового музея заслуживает внимания с учетом проблемы конструирования локальной идентичности и символов Места. В комментарии о намерениях укрепить имидж города сказано: «Уникальность коллекции сделает Пермь видимой точкой на карте мира. Музей внесет значительный вклад в создание индивидуального и узнаваемого образа Перми как современного динамично развивающегося города со статусом региональной столицы, с активными культурными процессами, способными проявить его на мировой карте уникальных городов и значимых культурных событий» [Музей...].

Вопрос о миссии современных музеев весьма непростой, особенно если речь идет о музее будущего. На этот счет существуют разные подходы и интерпретации. Приведем точку зрения зарубежного специалиста К. Ахмас из Финляндии [Ахмас 2009]. Исходный посыл здесь в том, что музеи должны нести ответственность за предоставление людям осмысленного начала, улучшая качество жизни и давая ощущение личной и коллективной безопасности. Примечательно, что для обоснования потребности в новой миссии музея автор обращается к появлению парадигмы трансмодерна, которая стала реакцией на утрату людьми в информационном обществе постмодерна своих корней (люди «остались с обрывками культурных контактов и осколками идентичности»). Большое значение в этих интерпретациях придается креативному началу как опоре для выстраивания тесных отношений с посетителями, которые «будут воспринимать музей как интересную, привлекательную и желанную институцию, отвечающую на их интеллектуальные и эмоциональные запросы (включение соавторов из аудитории). Суть этого подхода выражена еще и в такой фразе: «Функция музея – это функция зеркала, отражающего общество» [Ахмас 2009].

Относительно миссии современных художественных музеев следует учитывать и опыт, накопленный российскими, в том числе региональными музеями, которые становятся особым местом в городском пространстве региональных центров, где осуществляется встреча разных культур. Здесь вокруг произведений из музейных коллекций и творений современных художников возникают реальные и виртуальные диалоги, актуализирующие проблемы сбережения культурного наследия, его репрезентации как важного фактора интеграции внутри особого «пространства пересекающихся интересов» сопредельных регионов. Для России и Казахстана, например, таким пространством признается и активно изучается в динамике историко-культурных взаимодействий «Степной край Евразии». Это подтверждает возрастающую геополитическую актуальность заявленной темы. Художественные образы – это интерпретация сохранившихся памятных признаков (реальных и символических) Места (в данном случае – упомянутого «Степного края Евразии»), его специфики и исторической динамики, поэтому их восприятие будет способствовать формированию элементов регионального самосознания и культуры диалога сопредельных территорий.

В то же время с середины 2000-х гг. наблюдается сближение музееведения с исторической наукой (проект «Роль музеев – библиотек – архивов в информационном обеспечении исторической науки»). Совместно с историками поставлена проблема возможного создания музея локальной истории нового типа. Важным дополнением к формирующейся «историографии памяти» следует считать появление первых публикаций, соединяющих музеи и историческую память в современной России, а также предлагающих типологизацию музеев с точки зрения форм памяти.

Заключение

В итоге можно окончательно скорректировать историко-культурологическую исследовательскую модель. К ней мы двигались постепенно через историко-культурологическую модель «Город – Культура – Интеллигенция», сконструированную и апробированную ранее В.Г. Рыженко [Рыженко 2003, с. 104–159], которая может внедряться в исследовательскую практику с модификациями, соответствующими объектам исследования и предметным областям. Применительно к проблематике нашего проекта модифицированный вариант модели описывается в виде интеллектуального конструкта «Город – Музей – Личность». Музей предстает в нем как сложносоставной материально-духовный элемент городской среды и особый маркер культурного пространства города, знак и/или символ специфики того или иного Места и его истории, инициированный идеями и реализованный усилиями отдельных представителей регионального и/или локального сообщества. Отсюда предлагалось использовать интеллекту-

альный конструкт «Город – Музей – Личность» (2008 г.). При таком подходе само понятие «музей» трактуется расширительно, не только как тип учреждения культуры, а прежде всего как вариант местного «культурного гнезда», объединяющего вокруг себя всех интересующихся судьбой культуры данного Места. Кроме того, музей предстает как сложносоставной материально-духовный элемент культурно-цивилизационного ландшафта и особый маркер города, знак и/или символ специфики того или иного Места и его истории, инициированный идеями и реализованный усилиями отдельных представителей регионального и/или локального сообщества. В итоге предлагается исследовательская модель (интеллектуальный конструкт) в виде условной матрицы: Культурно-цивилизационный ландшафт города/Образ Места – Музей/знаковое «культурное гнездо»/Место памяти – Креативная Личность/Творец Памяти и Образов Города. Модель при установке на восприятие города как «внешнего текста» и музейной экспозиции как «внутреннего текста» может быть развернута в трех уровнях. Это открывает дополнительные перспективы. Как свидетельствуют современные публикации [Новации в музейном мире 2017], эта модель может эффективно работать при изучении музейных трансформаций в локальном культурном пространстве на основе непосредственных наблюдений за изменениями экспозиций на пути к музею локальной истории нового типа.

Библиографический список

- Андреев 2018 – Андреев А.Л. Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся: ежегодник. Москва: Институт социологии РАН, 2018. Вып. 16. С. 319–347. DOI: <http://doi.org/10.19181/ezheg.2018.14>.
- Ахмас 2009 – Ахмас К. Музей в эпоху трансмодерна // Музеология – музееведение в начале XXI века: проблемы изучения и преподавания: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2009. С. 129–136.
- Вместо предисловия 2009 – *Вместо предисловия*. Научная конференция «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI в.» // Диалог со временем. 2009. № 27. С. 5–15. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2013/07/02/1251229012/1.pdf>.
- Каган 1993 – Каган М.С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура: сб. науч. ст. Санкт-Петербург, 1992. С. 15–16.
- Леонтьева 2015 – Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23023948>; https://roii.ru/dialogue/50/roii-dialogue-50_3.pdf.
- Магидов 2005 – Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 394 с. URL: <https://na5ballov.pro/lib/vspom/7313-magidov-vm-kinofotofonodokumenty-v-kontekste-istoricheskogo-znaniya.html>.
- Мазур 2019 – Мазур Л.П. Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 100–119. URL: https://roii.ru/dialogue/66/roii-dialogue-66_7.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36965308>.
- Музей... – *Музей современного искусства Перми*: офиц. сайт. URL: perm.ru.
- Мурзина 2003 – Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. 205 с.
- Немчинов 1995 – Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса: сб. ст. Москва, 1995. С. 234–240. URL: http://www.glazychyev.ru/books/sborniki/1995_gorod_kak_sociokult_yavlenie/1995_gorod_kak_sociokult_yavlenie.pdf.
- Новации в музейном мире 2017 – *Новации в музейном мире*. На пути к музею локальной истории нового типа: сб. науч. ст. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2017. 190 с. URL: <http://i.uran.ru/webcab/system/files/bookspdf/novacii-v-muzeynom-mire-na-puti-k-muzeyu-lokalnoy-istorii-novogo-tipa/novacii.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29985909>.
- Пространственность развития и метафизика Саратова 2001 – *Пространственность развития и метафизика Саратова*: сб. науч. ст. Саратов: Поволжская академия госслужбы, 2001. 144 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25626891>.
- Россия реформирующаяся 2018 – *Россия реформирующаяся*: ежегодник. Москва: Новый хронограф, 2018. Вып. 16. 472 с. DOI: <http://doi.org/10.19181/ezheg.2018>.
- Рыженко 2003 – Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования: монография. Екатеринбург-Омск, 2003. 370 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19688028>.
- Чирков 2006 – Чирков В.Ф. Дом: в локусе бытия: монография. Изд. 2-е, испр. Омск: ООО «ИД “ЛЕО”», 2006. 276 с.
- Шулепова 2003 – Шулепова Э.А. Историческая память в контексте культурного наследия // Культура памяти: сборник научных трудов. Москва, 2003. С. 11–26.

References

- Andreev 2018 – *Andreev A.L.* (2018) Post-Soviet Russian society: social well-being, historical memory, ideals and values. In: *Reforming Russia: yearbook*. Moscow: Institut sotsiologii RAN, vol. 16, pp. 319–347. DOI: <http://doi.org/10.19181/ezheg.2018.14>. (In Russ.)
- Akhmas 2009 – *Akhmas K.* (2009) Museum in the transmodern era. In: *Museology – museology at the beginning of the XXI century: problems of study and teaching: materials of the International scientific conference*. Saint Petersburg, pp. 129–136. (In Russ.)
- Instead of a preface 2009 – *Instead of a preface* (2009) Instead of a preface. Scientific conference «Theories and methods of historical science: a step into the XXI century».

- Dialog with Time*, no. 27, pp. 5–15. Available at: <http://eccsocman.hse.ru/data/2013/07/02/1251229012/1.pdf>.
- Kagan 1993 – Kagan M.S. (1993) Culture of the city and the ways of its study. In: *City and culture: collection of scientific articles*. Saint Petersburg, pp. 15–16. (In Russ.)
- Leontieva 2015 – Leontieva O.B. (2015) «Memorial turn» in the contemporary Russian historical studies. *Dialog with Time*, no. 50, pp. 59–96. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23023948>; https://roii.ru/dialogue/50/roii-dialogue-50_3.pdf. (In Russ.)
- Magidov 2005 – Magidov V.M. (2005) Cinema and photo documents in the context of historical knowledge. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 394 p. Available at: <https://na5ballov.pro/lib/vspom/7313-magidov-vm-kinofotofonodokumenty-v-kontekste-istoricheskogo-znaniya.html>. (In Russ.)
- Mazur 2019 – Mazur L.P. (2019) Memorial museums of political figures in the space of the historical memory of modern Russia. *Dialog with Time*, no. 66, pp. 100–119. Available at: https://roii.ru/dialogue/66/roii-dialogue-66_7.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36965308>. (In Russ.)
- Museum... – *Museum of Contemporary Art of Perm*: official site. Available at: permm.ru.
- Murzina 2003 – Murzina I.Ya. (2003) The phenomenon of regional culture: the search for quality boundaries and a language of description. Yekaterinburg, 205 p. (In Russ.)
- Nemchinov 1995 – Nemchinov V.M. (1995) Metaphysics of the city. In: *City as a sociocultural phenomenon of the historical process: collection of articles*. Moscow, pp. 234–240. Available at: http://www.glazychev.ru/books/sborniki/1995_gorod_kak_sociokult_yavlenie/1995_gorod_kak_sociokult_yavlenie.pdf.
- Innovations in the museum world 2017 – *Innovations in the museum world*. Towards a museum of local history of a new type: *collection of scientific articles*. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 190 p. Available at: <http://i.uran.ru/webcab/system/files/bookspdf/novacii-v-muzeynom-mire-na-puti-k-muzeyu-lokalnoy-istorii-novogo-tipa/novacii.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29985909>. (In Russ.)
- Spatial development and metaphysics of Saratov 2001 – *Spatial development and metaphysics of Saratov*: collection of scientific articles. Saratov: Povolzhskaya akademiya gossluzhby, 144 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25626891>. (In Russ.)
- Reforming Russia 2018 – *Reforming Russia* (2018) *Reforming Russia*: yearbook. Moscow: Novyi khronograf, vol. 16, 472 p. DOI: <http://doi.org/10.19181/ezheg.2018>. (In Russ.)
- Ryzhenko 2003 – Ryzhenko V.G. (2003) The intelligentsia in the culture of a large Siberian city in the 1920-ies: issues of theory, history, historiography and research methods: monograph. Yekaterinburg-Omsk, 370 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19688028>. (In Russ.)
- Chirkov 2006 – Chirkov V.F. (2006) House: at the locus of being: monograph. Edition 2nd, revised. Omsk: OOO «ID “LEO”», 276 p. (In Russ.)
- Shulepova 2003 – Shulepova E.A. (2003) Historical memory in the context of cultural heritage. In: *Culture of remembrance: collection of scientific papers*. Moscow, pp. 11–26. (In Russ.)